

находившимся в Египте участникам пятого крестового похода. К несчастью, поход, главной целью которого стала египетская крепость Дамиста – стратегически важный пункт, расположенный в дельте Нила, окончился полным поражением христианского войска. Хотя саму крепость удалось взять, необдуманные действия крестоносцев на открытой местности привели к потере всех завоеваний. Именно под Дамистой впервые распространился слух о том, что восточный царь Давид спешит войску крестоносцев на помощь. В 1221 году хронист Оливер Падербонский, оказавшийся непосредственно на месте событий, писал: «В этом году, как о том сообщает Папа Гонорий III в послании ко всем прелатам, царь Давид, более известный под именем пресвитера Иоанна, вступил в сражение с султаном Персии и, обратив его в бегство, за двадцать четыре дня приобрел над Персией царскую власть, подчинив себе города и крепости, и оказался на расстоянии не более чем десяти дней пути от Багдада, где находится столица языческого папы. В это же самое время георгианы¹⁰ – люди католической веры, наделенные военным могуществом, – пошли войною на своих соседей-сарацин». Сведения о царе Давиде Папа Гонорий III получил от Якова де Витри, знаменитого проповедника, присоединившегося к крестоносцам и взвалившего на свои плечи нелегкое бремя быть архиепископом Акры. Яков де Витри находился в Дамисте и, присутствуя на месте событий, живо интересовался культурой противника, собирал книги на сирийском и арабском и прилагал немалые усилия по их переводу на латинский язык. Взгляд Якова де Витри отличался объективностью и критичностью, чего стоит записанный весной 1220 года рассказ о посещении святым Франциском войска крестоносцев: «Видели мы первооснователя этого [то есть францисканского] ордена, человека простоватого и неграмотного, любимого Богом и людьми, зовущегося братом Франциском, превознесшегося до небес и охваченного неумным буйством духа. Едва он прибыл в христианское войско, стоявшее под Дамистой в земле Египетской, как тут же, неустрашимый, защищаясь одним только щитом веры, отправился в крепость султана Египта. И когда по дороге его схватили сарацины, он сказал им: „Я христианин, отведите меня к вашему господину!“ А когда его представили перед султаном, то, увидев его, зверь жестокосердный преисполнился кротостью и несколько дней внимательно слушал, как тот проповедовал ему и его людям веру Христову. Однако, опасаясь, как бы кто-нибудь из его войска под действием этих слов, обратившись к Господу, не перешел на сторону христиан, он со всем почтением и под охраной повелел доставить его назад в лагерь, сказав ему напоследок: „Молись за меня, чтобы Бог удостоил меня откровения“. Сарацины же всех этих вышеупомянутых братьев-миноритов, покуда они проповедуют о вере Христовой и евангельском исповедании, слушают благожелательно, но когда те принимаются выступать в своих проповедях против Магомета как лжеца и обманщика, бранят их безмерно и, если Бог за них не вступается, подвергают наказаниям и изгоняют из своих городов». Францисканцы не очень любят вспоминать этот эпизод, поскольку это единственное подлинное свидетельство встречи святого Франциска и султана. И вот в такой обстановке в руки Якова де Витри и кардинала Пелагия попал уникальный документ, о котором архиепископ Акры рассказывает: «Когда у нас оказалось четыре гарнизона в Египте, а именно Дамиста, Фанис, Торон в пустыне и крепость Бутавант на большом озере, положение наше по-прежнему продолжало улучшаться, в то время как враги попали в сложную ситуацию, ибо у сарацин начались распри и трения друг с другом, а царь Дамаска, Коррадин, осаждавший крепость Паломников (в ноябре 1220 года), отступил с великим позором, потеряв многих из своих воинов. Его брат, по имени Сераф, в чьи земли, как стало известно, вторгся царь индов Давид, вынужден был вместе с войском отступить из наших владений в

¹⁰ То есть грузины. Яков де Витри одним из первых рассказывает о них в «Восточной истории»: «А кроме того, обитает на Востоке еще один христианский народ – воинственный и отважный в сражениях, крепкий, словно дуб, и могущественный неисчислимым множеством своих воинов. Сарацины их весьма опасаются. И, будучи со всех сторон окружены неправедными народами, а с персами, мидянами и ассирийцами уже долгое время имея общие рубежи, при этом они часто ведут войны со своими соседями, хотя и несут большие потери. Эти люди называются георгианами, ибо святого Георгия, которого они считают своим защитником, патроном, а также покровителем в сражениях против неверных, прославляют с благоговением и почитают его более всех святых. Они используют Святое Писание на греческом языке и соблюдают в богослужении греческий обряд. Клирики там носят на голове круглые тонзуры, а миряне квадратные. Всякий раз как отправляются и паломничество к Гробу Господню, вступают в Святой Град безо всякой дани и с высоко поднятыми остриями копий. От сарацин они не ожидают никаких неприятностей, а не то, возвратившись в родные края, другим сарацинам – своим соседям – за все отплатят сполна. Да и знатные женщины у них, словно амазонки, подобно мужчинам с оружием участвуют в сражениях. А когда латинское войско осаждало Дамисту, они с большим негодованием пригрозили правителю Дамаска Коррадину, который, если бы не их требовательность, видел в мечтах своих уже разрушенными стены Иерусалима. Волосы и бороды они отращивают длиной почти с локоть, а на головах носят круглые шапки из войлока».